

27. *Ленінський універмаг* (скор. від «універсальний магазин») – великий магазин, який знаходився в Ленінському районі м. Донецьк, де продавалися, зазвичай, непродовольчі товари, що відносяться до різних груп.

28. *Талони* – різновид контрольних документів, що засвідчують право на отримання різноманітних товарів.

29. *Демонстрація* – хода, присвячена святам Жовтневої революції, Першотравня.

Додаткова інформація про респондента:

Місце проведення: м. Донецьк, Україна.

Дата проведення: 12.01.2010.

Час початку й закінчення інтерв'ю: 20:10 – 21:25.

Тривалість: 1:15:00.

Прізвище, ім'я, по-батькові: Псьол Людмила Кирилівна.

Рік народження: 27.07.1945.

Місце народження: м. Сталіно, УРСР.

Професія: бухгалтер.

Освіта:

1952 – 1956 – середня школа № 97.

1956 – 1963 – середня школа № 76.

1968 – 1970 – Славянський сільськогосподарський технікум.

Місця роботи:

1963 – Центральна поліклініка; диспетчер.

1963 – 1965 – брикетна фабрика, мотористка.

1965 – 2002 – колгосп «Широкий», бухгалтер.

Гаврюшенко Марія Олексіївна: «В 71 году мы купили свой первый холодильник. А то всё было в погреб»

ЛЮДМИЛА ГАВРЮШЕНКО

Гаврюшенко Марія Олексіївна, 1943 р.н., с.Новий Світ Запорізької області, Україна; керівник творчих гуртків, продавець, пенсіонерка. Тема інтерв'ю: «Мое життя».

Інтерв'юер: *Как Вас зовут? Где Вы родились?*

Марія Алексеевна: Меня зовут Гаврюшенко Мария Алексеевна. Родилась я 6 января 1943 года. На оккупированной немцами территории Запорожской области, Украина. Село наше было (*науза*) Новый Свет. Почему Новый? С чем это связано? Не знают. Новый Свет вообще открыт, ну, так назвали. Сейчас его снесли с лица земли, уже тридцать лет как его нет. Сохранилось кладбище, на которое мы ездили ежегодно, к могилам наших умерших родителей, дедушек, бабушек. Отец у меня... мама у меня училась в медицинском

училище до войны, и она пришла... в Запорожье не было, сорок километров от Запорожья, пришла в село. Отец у меня был призван в армию в сорок первом году.

Інтерв'юер: *Мобилизован?*

Марія Алексеевна: Мобилизован. Да. По общему призыву демобилизации. Мобилизации. В Феодосии, в Черноморский флот. В сорок первом году, когда немцы захватили в сентябре месяце, э-э-э, Феодосию... ещё до 41-го года шли бои, их захватили в плен, и он бежал из плена. Пробыл несколько месяцев дома. Четыре месяца он пробыл к своим. Потом пришёл домой, пробыл несколько месяцев

дома, познакомился с моей мамой, и в результате, в 43-м году я родилась в январе. Папа ушёл в феврале опять в действующую армию. Так что я росла с бабушкой, с дедушкой и с мамой. Ну что детство? Мама моя после войны... пришёл папа в 46-м году, он воевал ещё... Закончилась война, потом его ещё послали на (*говорит неразборчиво*) Европу и Азию. За Уральскими горами было объявлено о том, что сдались японцы. Их возвратили обратно, пришёл в 46-м, почти уже 46-й год был. В 46-м году пришёл, в 47-м родился ещё один брат Григорий. Семья была бедная. Потом родился брат Иван. Шестнадцать лет после моего рождения родилась сестра Татьяна, и спустя двадцать лет после моего рождения родилась последней сестра Вера. Так у нас пять детей было. (*Пауза. Вздохнула.*) Училась я, работала. Училась в школе очень хорошо. Но было пять детей маленьких, четверо меньших. Пасла коров, доила. Мама часто болела. Помню самые большие праздники в нашей жизни – это выборы. Очень... когда собирались все, собирались в домах, в квартире одного, другого. Жили мы... отец был после демобилизации железнодорожником, работал путевым обходчиком, мастером, бригадиром. И мы жили, в основном на... в таких вот будках, которые расположены вдоль железных дорог. Сорок седьмой километр, сорок третий километр. Население составляло где-то шесть – семь семей. А ходили мы в школу где-то за восемь, четыре, пять километров. Вот такое было. Ходили мы в школу. Училась я хорошо, но мама часто болела. Раза четыре или пять у неё было воспаление лёгких, недолеченные в то время. 53-й год – это была болезнь в широкомасштабном применении. А до этого года (до 53-го) мама ещё болела много раз, и вследствие чего у неё впоследствии приключился плеврит, потом рак, и она умерла в возрасте 47 лет, оставив меня (*вздохнула*) и двух сестёр малолетних. Одной – одиннадцать лет, одной – шесть. К тому времени я уже была замужем, у меня был сын Руслан и в (*говорит неразборчиво*) лет родилась дочка Людмила.

Интервьюер: Чем Вы занимались после окончания школы?

Мария Алексеевна: После окончания школы в 61-м, в 60-м году я закончила. Я в 53-м пошла в первый класс, в 43-м, в 50-м я пошла в первый класс и в 60-м я закончила школу. Я закончила школу, поехала в Донецкий, в город Донецк, где у меня было две тётки, поступать в Донецкий университет, на исторический факультет. Мне очень нравилось, училась я хорошо. Но в связи с тем, что много было детей, коров, хозяйство... я очень любила... не смогла учиться так, как я хотела бы. Отец часто меня гонял. Я читала в тихом уголочке где-то книжки, меня всегда ловили за этим чтением, прятали книжки в карманы рукавов, где-то ещё, я их искала. Ну, детство прошло вот такое вот. Не было детства у меня. Поступила я в институт, не прошла по конкурсу на исторический факультет. Приехала домой. Потом пришло письмо от тётки – папиной сестры, что «шесть человек добираются ещё по конкурсу и я – Маня прошла по конкурсу. Вернее её взяли бы. Присылай Маню, она будет учиться». Но к тому времени, уже был сентябрь – октябрь, вернее сентябрь. Поехали все студенты на картошку. Папа сказал, что «куда там йихать, четверо детей, а кто будэ доить?» и прочее, прочее. И так мой университет остался в пределах мечты. Ну, я ещё через год... А поступила я работать на мебельную фабрику местную обивщицей мягкой мебели, о чём свидетельствует запись в трудовой книжке. Потом я поступила. В 61-м году я всё-таки уехала в Мелитополь, поступила в Культпросветучилище на режиссёрское отделение. Училась, получила 28 рублей стипендии. Учились, жили, ну, тяжело было в то время. Это был 61-й, 62-й, 63-й год. Я училась три с половиной года. Было очень тяжело: 28 рублей стипендии. Но по сравнению с сегодняшними... вот-вот сопоставлением тех 28 рублей и сегодняшних 75 рублей пенсии, что у меня есть, это был капитал. Я могла на них платье купить, туфельки купить, где-то что-то ещё купить, заплатить пять рублей за общежитие. Самое большое впечатление от тех лет – это хру-

щёвская кукурузная булочка. Это было в хрущёвский период, когда он хотел, э-э-э, сделать кукурузную страну Украину. Из житницы страны пшеничной сделать кукурузную. И вот очень площади большие были вытеснены пшеничные и засеяны кукурузой. И в магазине это жёлтый-жёлтый хлеб был кукурузный. Кукурузная мука, как известно, на подход очень плохая, она не подходит, (*говорит неразборчиво*) маленькая и (*говорит неразборчиво*) у неё плохая. И вот мы покупали эти булочки. Они были безвкусные, как мамалыга. Многие очень дети в то время болели язвой желудка. Очень проел этот период... очень много язвенников, гастрит появились в это время. Но прошло 2, 3, 5, 6 лет – эта теория кукурузная себя не подтвердила. И сейчас уже начались другие времена: украинцы вспомнили, что такое поляныця, что такое пышка и опять перешли к этому. В 64-м году я закончила училище, была распределена на работу в город Краматорск художественным руководителем в ДК имени Строителей. И сейчас этот «Строитель» есть, э-э-э, ну, что?

Интерв'юер: Во время Вашего студенчества, что Вы одевали? Как проводили время? Что Вам больше всего запомнилось?

Мария Алексеевна: Во время учёбы в училище мы носили в то время... сейчас уже... тогда это было прекрасное студенческое время. Мы одевали кофточки друг друга. Мы шили, вязать мы ещё не умели. В то время не было распространена эта вязка. Как сейчас девочки такие золотошвейки. Они прекрасно умеют шить, они прекрасно умеют... У вас сейчас журналы, у вас сейчас информация телевизионная. У нас этого не было. Мы шили. Портниха могла нам сшить платье за 3 рубля и в кредит. И, получая стипендию, мы могли рубль 50 отдать тёте Нюсе стипендии, а рубль 50 – со следующей стипендии. Она была... прекрасно шили нам. Что ещё? Мама передавала мне 10-12 рублей, высылала. Итого у меня 40 рублей был месячный доход совокупный. Питались мы, конечно, привозили всё. Раз в месяц – полтора, раз в

полтора месяца я ездила недалеко (это было 120 километров, 140) от моего, где я училась, от моего села, я ездила, брала картошку, постное масло. О разносолах, о рыбе, конечно, не мечтали. Были... жили мы втроём в одной комнате: я, Люба и Лиля. Майстренко Люба, Гончарова Лиля и я. И делились всем, чтобы ни было. Но самая добрая, конечно, из нас Лиля была из семьи богатой. Она из Каменки Запорожской области. Каменка славилась своими огородниками, этими парниками. Люба была очень доброй и она... Делились мы всем, конечно. Она была самой старшей, она была 41-го года, Лиля была 46-го, я была 43-го и мы готовили вместе, ели вместе. Если что-то где-то покупал, делили на 3 пирожка. Если где-то шли к кому-то на танцы и на свидание, то, конечно, брали платье у одного, второго, третьего, менялись. Но в основном, конечно, шили сами. Покупали очень мало, потому что всё было дорого. Единственное, нас выручала трикотажная фабрика, конечно, Мелитопольская. Всё, что касалось рейтузиков, трусиков, руба..., туфель, этих носочков, чулочков, это всё мы, конечно, там покупали. Ну, жили, конечно, так бедновато. В смысле таком вот материальном, но духовно были мы богаты. Нам нравилось всё. Были вечера, были прекрасные. Ходили на демонстрации вот эти чудные, которые были и майские, и ноябрьские. И были вечера, ходили на Мелитопольский институт сельского хозяйства и механизации, ходили в педагогический институт на танцы. Прекрасные...

Интерв'юер: Какая была музыка? Какие модные танцы были в то время?

Мария Алексеевна: Музыка была... Я не могу сказать сейчас Вам какая музыка была, композиторов назвать. Танцы были танго (*поёт*) «Листья жёлтые медленно падают». Вот эта была. Потом вот эта, э-э-э, сейчас возвращаются, э-э-э. Прекрасные. Ну, я не могу сейчас назвать. Танцы, вальсы были. Того ещё не было, твистов не было. Ну, прекрасные были фокстроты всякие. И вот взаимоотношения были чудесные, уважение было такое.

Интерв'юер: *Как Вы одевались, обувались? Какие причёски делали?*

Мария Алексеевна: Одевались мы скромненько, я уже сказала. И первые мои босоножки у меня, которые мне купила мама, бабушка моя покойная – это были 67 рублей, зелёные танкетки. Как сейчас помню – это было полтора моих, э-э-э, этих оклада, содержания месяца (полтора). Это были чудные. Я их одевала, а потом вытирала, ставила на стулочку, любовалась, ещё шла. Причёски были у нас. Мы, конечно, делали начёсы чудесные. Такие высокие, длинные. У кого это были волосы – мы делали со своих волос. А потом, конечно, через день – два выдирали вот такие космы волос.

Интерв'юер: *А чем Вы крепили? Лаком для волос?*

Мария Алексеевна: Нет. Лаков для волос не было. Мы делали начёсы огромные: оставляли прядь впереди таких волос ровных, тут делали начёс. И потом не расчёсывая, этот начёс покрывали вот этим прядью волос вот этих. У кого не было волос – это было, конечно, очень плохо. Девочки делали такие валики, шили, под цвет волос чёлки подбирали, шили валики, которые закреплялись, прятались вот так вот замочком и застегали этот валик, а потом начёсывали волосики. Но потом, когда началась «Бэбэта», вот «Бэбэта идёт на войну» был фильм. Мы уже начали... некоторые начали... вот такие были бычки в томатном соусе, были пол-литровые банки, и вот эти банки обшивали чулком старым, на голову, и такие большие-большие...

Интерв'юер: *(смеётся).*

Мария Алексеевна: *(с обидой в голосе)* Это не смешно. Это правда, я не выдумываю. И вот такими большими-большими шпильками их закрепляли. Это было такое сооружение! А ещё умели делать такое: как, типа, пирамидкой эта голова. Это было вообще, ну, конечно, тогда это было сродни королеве, которая несёт такую корону. Ну что ещё? Первые платья. Вот платьице было. На выпускной вечер мне, конечно, шили платье с штапеля. И были такие белые прорезиновые резиночки, такие они

прорезиновые резиночки белые, которые я жёлтого цвета (они 2.70 стоили), и мы их... бедность же была. Это был 50-й, э-э-э, нет, это был 60-й год. Я их зубным порошком начистила, эти прорезиновые тапочки на шнурочках, и штапельное платьице накрахмалила. Это было, вообще, девочки, это было предел мечты... вот такие. А у кого были и босоножечки, так это были... У нас у одной только Нади Богуславской были чесучовые. Чесуча – был такой материал. Платье желтоватое и такие босоножки. Она, конечно, была как королева. А, в основном, все были вот в таких. Кто мелом натирал разведённым, кто зубным порошком вот эти прорезиновые тапочки беленькие. Ну, вот как сейчас такие – резиновая подошва, беленький верх. Вот это у нас было такое. Ну, мы не жалели. Мы вот в моём поколении прошедшем это не жалели о том, что было, вот, э-э-э, прошло всё это. Ещё помню, очень большое впечатление произвело 53-й год – смерть Сталина. Вот смерть Сталина – это было что-то удивительное. Такое трагическое. Мы пришли в школу, нам сказали, что умер Сталин. И я рассказывала, что пришёл вот, помню, что к Сталину за помощью обратилась мама, когда у неё заболела девочка. Я была в 3-м классе, мне было 10 лет, я так... это всё как будто это я заболела, как будто это моя мама обратилась к Сталину. Это было, ну, божество какое-то. И вот я помню: плакали учителя. Были приспущены флаги, в школе был митинг. Телевидения не было. Никто не транслировал. Были огромные установлены везде громкоговорители на улице, в школе был, в этом посёлочке, где мы жили. И все люди говорили тихо, как будто в каждом доме был покойник. И плакали так, как будто плакали за очень близким, родным человеком. Вот такого вот сочувствия, я таких слёз не вижу даже сейчас за близким человеком, как было тогда. Понимаете? Может быть, незнание того всего ужаса, что было и порождает у меня сейчас вот такие ассоциации, что неправда всё то, о чём говорят о нём, потому что мы знали. Мы – детские души были. Может, в сознании детей было у нас вложено то, что он

был добрый и хороший. Ну, наш кумир, наш вождь, наш заступник.

Интерв'юер: Чем Вы занимались после окончания учёбы в училище?

Мария Алексеевна: Когда закончила училище, меня направили по направлению в Краматорск. В Краматорск я приехала, работала в, э-э-э, зав. детским сектором в ДК «Строителей». Там у меня 6 или 7 кружков. Это работа не интересная. Ну, как рассказ такой...

Интерв'юер: Вы жили в общежитии?

Мария Алексеевна: Да. Бегала в общежитие сначала. Я жила в общежитии. У меня было там кружок там художественный этот, танцевальный, хоровой. План работ писала, по мероприятия проведения всё это. Жила в общежитии. Потом познакомилась с мужем. А работала ещё, подрабатывала в Доме пионеров. Горком комсомола мне ещё поручил там вести работы, организовывать массовки, утренники. Познакомилась со своим мужем, который работал музыкантом в танцевальном коллективе. Ну, вышла замуж в 66-м году. Поработав, в 64-м я закончила, в 65-м, 66-м году я вышла замуж. Он был музыкант, работал преподавателем в музыкальной школе, по совместительству подрабатывал в танцевальном коллективе Дома пионеров. Ну, в 66-м ещё, в 67-м родился Руслан.

Интерв'юер: А как Вы познакомились?

Мария Алексеевна: Познакомилась как? Очень просто. Мы вместе ходили в кафе «Огонёк» обедать. Всегда обедали там. И он такой был застенчивый, скромный парень, симпатичный. Так смотрел часто на меня, познакомились. Обед тогда 47 копеек, 53 копейки стоил, 90 копеек. Ну, мы ходили...

Интерв'юер: Он Вам сразу понравился?

Мария Алексеевна: Нет, Вы знаете, я ему что-то приглянулась. И вот он... и я смотрю... обедали мы... и что-то там на 90 копеек был обед. Ходила не только я, ходила директор Дома пионеров, я ходила, Лида и Алла ходила – зав. массовым сектором. Я зав. была художественным сектором, она – зав. массовым сектором. И он как-то посмотрел. Ну, я была худенькая, чёрненькая

такая. Он посмотрел раз, второй. Потом говорит: «Может за Вас...». Я начала искать денежку, не было у меня то ли сдачи. «Давайте я за Вас заплачу?». Я говорю: «Да не надо за меня платить». И как-то так вместе шли, занимались, я план работы провела, когда они приходили на работу 2 – 3 дня в неделю. Вот так вот мы познакомились.

Интерв'юер: Вы поженились? Свадьба была?

Мария Алексеевна: Свадьбы у нас не было. Как то он жил один с мамой, жил он не богато. В разводе были с отцом мама. Тоже родился в 46-м году, он на 3 года моложе был, но... никакой свадьбы не было. Жили у его мамы в флигелёчке маленьком, небольшом.

Интерв'юер: Как приняла свекровь?

Мария Алексеевна: Приняла меня свекровь, его свекровь... У него была одна семья – мама. Конечно, она не хотела бы, чтобы была старше невестка, старше. Хотя я старше его не выглядела. Он был так вот лысоватый такой, там у него залысины немножечко были, такой он полноватый потом уже стал. Э-э-э, мне понравилось, что... Как меня встретили? Сначала вроде не ахти, а потом всё хорошо было. Ну, а потом у нас, конечно, были тяжёлые моменты в жизни. Я пережила очень много в этой жизни. Она меня многому научила – свекровь. Я жила в семье – 5 человек, маме некогда моей было учить меня. Были коровы, была работа, был огород, была детвора, была учёба. И свекровь меня научила. Она была из семьи богатой, интеллиге..., не интеллигентных людей, но очень богатых, очень хозяйственных, очень таких домовитых. Она по натуре своей свекровь, если б ей... У неё 3 класса образования. Если б её дать образование то, которое сейчас имеют дети, она была б великим человеком. У неё такой был склад ума прекрасный, математический, что она могла за 2 – 3 минуты... и кто-то считает на счётах, кто-то что-то делает, она уже могла экономически просчитать всё это и сказать: «Ага. Вот это выгодно купить, оце не выгодно». Она могла в то время, когда мы строили дом, когда я уже пришла к нему (был маленький

флигелёчек), поехать в старый город, купить яичек по 80 копеечек, привезти сюда, продать яички по 90 копеек, и всегда рубль иметь. А на рубль в то время можно было купить десяток яичек, 100 – 200 грамм колбасы (42 копейки), 16 копеек – хлеб. И мы могли жить. Эта женщина научила меня многому: готовить, стирать, экономить в чём-то, ну, вести хозяйство какое-то. И вот её племянница сейчас, спустя годы, которой 72 года, говорит: «Если бы была бабушка Дуся, и при ваших сейчас недостатках, она бы вам всем купила вертолёт». Это, конечно, шутка. Этим умом аналитическим, складом ума она наградила мою внучку (исправляется) дочку, её внучку, которая очень похожа на неё.

Интерв'юер: Бюджет Ваи? Вот как Вы зарабатывали, допустим, деньги? Складывали в общее место, откладывали на какие-то покупки, на что-то, как-то?

Мария Алексеевна: Прожила я со своим мужем всего лишь 11 лет. Нажила двое детей. Благодаря ему, его семье, дети у меня выросли прекрасными, чудесными детками, чудесными. Но для каждой мамы самый лучший ребёнок – свой. О семейном бюджете. Мы старались. Построили мы с мужем по тем временам прекрасный дом. Один из лучших на улице.

Интерв'юер: Сколько Вы зарабатывали?

Мария Алексеевна: Я зарабатывала 65 рублей, муж 90 рублей зарабатывал. Складывать деньги – мы не складывали, потому что мы строились. Мы могли сложить он свою зарплату, я – свою, и купить 8 окон, купить доски, купить шифер. И вот, ну сколько? Прожив 11 лет, мы прекрасный дом построили. Мы купили прекрасную мебель по тем временам.

Интерв'юер: Вы помните какую мебель покупали? Ваша первая мебель?

Мария Алексеевна: Я всё помню. Ага, мебель. Вот построили мы дом прекрасный. У нас 25 метров была зала, спальни две, кухня. Весь дом был 8 на 10, чудесный, или 10 на 12. На уровне полтора этажа. И был бюджет, мы складывали деньги. Нас кормила свекровь на свои 38 рублей пенсии, и

она ещё работала на «холодильнике», там подрабатывала. 52 рубля у неё было. У меня было 75, у мужа – 90. Вот на 165 рублей мы могли построить за 3 года дом прекрасный, собрать ещё 1000 рублей и вот. Как мебель? Нам очень хотелось мебель. Но у нас ничего не было. И вот мужу где-то, какого-то он учил мальчика, преподавал музыку, э-э-э, по классу бояна. И какой-то папа был, на базе работал.

Интерв'юер: Так Вы по благу доставали мебель?

Мария Алексеевна: Невозможно было, это были такие очереди, это был такой дефицит. И вдруг мужу предлагают чехословацкую мебель. Она стоит 960 рублей. И я говорю: «Володя! В упаковке, ничего не видно, ничего не зная, никаких выборов, даже предварительно. Это всё забито, упаковано». И... «Ты знаешь, – говорит, – нам мебель предлагают. Но надо ещё 40 рублей дать сверху». Я говорю: «Ну что ж, надо так надо». Приходит он, говорит: «60 рублей попросили». Я говорю: «Ну что ж?» Потом приходит, говорит: «Со всем, с перевозкой, с доставкой – 100 рублей». Итого 1040 рублей получается мебель. Когда привезли эту мебель, мы готовы были целовать эти ящики забитые! У нас такое было ощущение, что нам привезли! Люди добрые, мне 57 лет, я добротней и лучше мебели не видела за все свои годы. Сейчас у меня стоит стол, 6 стулок (как вот это у Остапа Бендера – 12 стулок), у меня стоит 6 стулок, стол с той мебели и тумбочка под телевизором. Когда-нибудь я сфотографирую и пришлю образец этой мебели тем, кто заинтересуется. Так чудно всё это было. Ну, дети росли, конечно. Дочка научилась очень рано читать. Так рано, что мы и сами не знали. Расскажу маленький эпизод о том, как она научилась читать. В то время топили печками...

Интерв'юер: (перебивает).

Мария Алексеевна: Ну, что ещё? Купили мебель, купили кое-какие покрывала для... не покрывала, для пола. Всё это было чудесно.

Интерв'юер: А вот техника какая была? Холодильник был?

Мария Алексеевна: Холодильник у нас был. В 71-м году мы купили свой первый холодильник. А то всё было в погреб, в крыночках, «залыто холодной водою», как моя свекровь говорит: «Всэ цэ в крынке, залыто холодной водой». Если борщ сваренный – холодная вода, и в погребе. Компот – в погреб. Но погреб был – это чудесный погреб, глубочайший. Там всё так хранилось хорошо, выходной, высокий. И вдруг в 71-м году, в 70-м, в 71-м мы покупаем холодильник.

Интерв'юер: Тожэ по благу?

Мария Алексеевна: Нет. Холодильник мы покупали без блата. Он стоит 270 гривен. Это был «Донбасс», наш первый холодильник. Сейчас на дворе 90-й. Этот холодильник прекрасно работает сейчас у меня, в моей квартире вот стоит на балконе и работает. Ему 29 лет, моему холодильнику.

Интерв'юер: Стиральная машина?

Мария Алексеевна: Стиральная машинка нет. Была у меня... Стиральной машинки не было. Свекровь говорила, что стиральная машинка – это роскошь. И вот она научила меня стирать. Она замачивала, потом вываривала, потом ещё раз замачивала. У неё бельё было – белее не было. Куда той «Дусе», э-э-э, этой «Асе» сейчас! И вот муж мне покупает «Аурику». *(Продолжает с умилением)*. Первая машина кишенёвская с центрифугой, со всем. Приходили соседи смотреть на эту машинку, принцип действия изучали её. «Как? Сушит? Как? Да такого быть не может, чтоб у Марии была такая машинка». И вдруг, эта самое, эта машинка была у меня, которая мне послужила лет десять.

Интерв'юер: Где Вы рожали детей?

Мария Алексеевна: В 71-м, в 60-м, в 71-м году я перешла работать... Э-э-э, в 66-м году я... в 67-м я родила сына. Родила сына. Родила сына, так! Поехала... Должна была рожать здесь – в Краматорске. Поехала в село к маме в Запорожскую область, и там преждевременно родила мальчика Руслана (3 [кг] 100 [г]). Приехала сюда, трудно было жить, строились ещё тоже. И я решила уйти с работы, пойти в торговлю. В

торговлю почему? Потому что дефицит был продуктов, дефицит одежды. Надоело, что мне везде просить. Решила я самой быть на раздаче. Ага. Да. Ну, и получилось, пошла, всё получилось. Пошла.

Интерв'юер: По знакомству устроились?

Мария Алексеевна: Нет, без знакомства. Тогда было свободно в быте. Продавцов не хватало. Это был 68-ой год. Я побыла 4 месяца в декрете. Нет. Больше. Год. Год была я. Ушла я с ДК «Строителей», с этой престижной своей работы, которая была у меня. И пошла работать с 7-ми до 7-ми продавцом. Сначала была учеником продавца, побыла два месяца. Всё это знала. Через год я стала просто, через 2 месяца я стала уже продавцом младшим, потом простым продавцом лет 8, 6, и стала я старшим продавцом. Закончила я училище заочное это торговое по этому самому *(говорит неразборчиво)* производства. И начала работать продавцом. Конечно, работа продавца очень тяжёлая. К тому времени, это уже был 74-ый. В 67-м, в 68-м я пришла, в 68-м начала работать продавцом, через 4 года я уже стала старшим продавцом, зав. отделом работала. Родилась у меня девочка в 74-м, в 73-м году, в ноябре месяце. Ну, работа продавца требует всего. Если есть какая-то копейка, если есть что-то, где-то – это всё потом сторицей потом отдастся, скажется. Я побыла 10 дней в декрете, родила свою девочку. Девочка у меня родилась семимесячная, недоношенная, с тяжёлыми последствиями. Но я, за 10 дней до родов я ещё таскала 40-килограммовые бочки с рыбой. Разгружали мы с машины. Поэтому роды прошли тяжёлые. Ну, это удел всех продавцов. Они таскают, они перетаскивают на своём животе очень много, поэтому так получилось. Я благодарна Богу, что ребёнок здоров, что ребёнок выжил, что всё получилось. Моей дочке сейчас 27 лет. Что ещё? Так, через 4 года рождения дочери я теряю мужа. *(Говорит очень тихо)*. У меня умирает. Несчастный, тяжелейший несчастный случай. Несчастный случай, но так уж случилось. Да. Умер у меня муж. Я осталась одна. Что такое пе-

режить смерть мужа, и остаться 11 лет ребёнку старшему и 4 года девочке это? Никому не хочу просто пожелать. (*Вздыхнула*). Жизнь убила. Работала я на двух, почти, работах. Работала продавцом. Через... неделю работаю продавцом, вторую неделю бегу в совхоз, работаю... помидоры, огурцы, картошка, чтобы сохранить. К этому времени уже ко мне приехала сестра. Закончила одна 10 классов и пошла работать, учиться в училище торговое на повара. Через несколько лет, через 2 – 3 года приезжает ещё одна сестра. И всё вот это, 4 человека семья, всё на моих плечах было... (*Пауза, вздох*).

Интерв'юер: Как умер муж?

Мария Алексеевна: Ну, в смерти мужа, который ещё умер в 31 год (*пауза*) суицидно, меня обвинила свекровь полностью. Она обвинила меня, потому что ей нужно было. Я понимаю горе матери, и я её... у нас так резко пошли плохо складываться отношения. Меня начали из дому выгонять, который я строила с детьми. Начались такие ужасные отношения. Поддержала меня её сестра двоюродная, поддержала её племянница. И благодаря детям я осталась в этом доме ещё 11 лет жить, или 10. Что? Всё было. Было в своё время перед смертью мужа. Вот «не верь гадалке, не верь гадалке». Перед смертью мужа я лежала на своей кровати и вдруг почувствовала, что меня кто-то что-то сильно давит. Я просыпаюсь. А надо мной такая огромная тень. Я сплю и не сплю. И вот эта тень меня придавила сильно-пресильно. Это было в одну ночь. И я хочу сказать: к худу, к добру ли? Хочу перекреститься. Ничего не получается. И эта тень тяжелейшая такая, как будто бы тень лёгкая, что я сползла. Она с меня сползла.

Интерв'юер: Были ли Вы образованы в сексуальном плане?

Мария Алексеевна: Жили мы не образованно в половой жизни, в смысле – половой жизни. Предохраняться мы не умели, да и как-то не просвещены были. Мужчины неохотно одевали эти презервативы. Считали, что это не нужно. Кремов, контрацептивов там каких-то не было. Э-э-э, подкладных

вот этих «Тампаксов»... как Вы сейчас... ничего у нас не было. Стирали многоцветные тряпочки, всё это делали. Аборты, аборты делали. Я делала 4 аборта за свою жизнь. Моя подруга – 27. Я считаю, что это не много. Что ещё?

Интерв'юер: Вы обращались к гадалкам?

Мария Алексеевна: К гадалкам? К гадалкам не ходила. Я не ходила к гадалкам, потому что я не верила гадалкам. Я... единственный случай был у меня с гадалкой, когда умер муж. Когда умер муж, и я не пустила, в магазине работала, не пустила женщину. Она просилась в перерыв что-то купить, а я её не пускала. Она говорит: «Пусти. Я тебе что-то очень важное скажу». Я её пускаю. Она и не цыганка, и не русская. Она мне говорит: «Ты шла или будешь идти за гробом близкого человека». А я уже в то время похоронила мужа. Это меня заинтриговало, и я ей говорю: «Хорошо. Дальше говори». Я говорю: «За то, что я тебя пустила в перерыв и обслужу, говори». Она мне говорит: «Дай мне свою руку». Я дала ей руку. Она мне говорит: «Двое детей имеешь. Сын будет всё время при тебе. Дочка пойдёшь дэсь далэко. Можёшь за границу». Вот это я запомнила. А детям тогда было 4 года сыну. И сейчас пока сбывается только, что сын при мне. Дочка ещё не за границей, но в другом городе. Гадалкам не верю, и больше никогда не ходила к гадалкам. Живу по заповедям Божиим. После смерти мужа суицидной такой я читала очень много молитв, молилась Богу. Свекровь меня обвинила во всех смертных грехах, какие есть. Но это горе матери. У нас были отношения такие тяжелейшие с ней, хотя другая половина – её сестра и племянница, и её муж стали на мою защиту. И разделились вот эти, и так мы прожили ещё 8 лет. До этого времени, пока не продали дом и не разъехались. Заповеди Божии 10 я не нарушала за исключением... как? Нарушала. Две только я не нарушала. Это «убить не невнеугодно» и «не колдуй». Чёрным колдовством не занималась, порчу не наводила. А все остальные... прелюбодействовала и прочее. «Не укради» – это

первая заповедь. Укради тоже. Так что я живу, как все. Хотя Бог меня милует и очень-очень часто сохраняет меня на всех путях моих. Как сказано в одном псалом номер 90...

Интерв'юер: *(перебивает)* **Вы путешествовали?**

Мария Алексеевна: *(вздыхнула)* Путешествовали мы везде. В то время это была такая прекрасная вещь – путёвки выходного дня. Мы были в Севастополе, мы были в Одессе. Когда мы приезжали в город Одессу, нас... на вокзале стояла прекрасная такая вышка (слово неразборчиво) и кричала: «Одесса – город герой приветствует тружеников славных Донбасса». Приезжаем в Киев – такая же история. Идёт этот поезд, «Варшавянка» звучит торжественно. Мы все выходим, как будто бы нас встречает весь город Киев. Мы были в Закарпатье, мы были везде. Наш профсоюз нашего торгового организовывал всё это. Давали путёвки детям – это было святое. Давали, и профсоюз учили, учились. Я считаю, что мы жили при коммунизме, но мы не знали, что это коммунизм. Хотя мы тогда строили коммунизм, а оказывается мы его давно построили. И теперь вот мы не знаем, что в каком мы вот сейчас живём в строе, при каком. Я не могу сказать. Это анархия – не анархия. Ну, не мне судить, я не политик. Просто вот мне...

Интерв'юер: *(перебивает)* **Расскажите мне, какие Вы читали газеты? Верили ли Вы тому, о чём писали в газетах?**

Мария Алексеевна: Газеты ведь не освещали того, что сейчас освещают. А может, освещали в том ракурсе, в котором нужно было освещать, выгодно было. Но я считаю, что нормально. Я выписывала газеты «Труд», «Комсомолку», «Здоровье». У меня было подписное издательство, м-м-м, это «Роман-газета». Я детям выписывала всякие журналы: «Барвынок», вот выписывала «Зорьку», выписывала «Пионерия». Это было в то время. Потом вдруг всё это не стало, мы оскудели. И вот когда покупаешь вот эту периодику такую туда-сюда, эту прессу бульварную, мне кажется, что в каждом ложь какая-то. А тогда мы верили.

Вот «Известия»... И хотя это был «Известия» – это, э-э-э, орган самый партийный. Я выписывала «Труд», я выписывала «Крестьянку», я выписывала обязательно «Комсомолку», «Правду», которую и сейчас люблю. Кстати, и выписываю. Не выписываю, её покупаю от случая к случаю. И считаю, что самые справедливые события и точно описаны были в «Комсомолке». Вот комсомол не боялся (хотя он и был младшим сыном партии), он не боялся что-то осветить, где-то вскользь сказать. Соответствовали ли изложенные факты, э-э-э, действительности? Это да. Вы знаете? Соответствовали в том смысле, что у нас не было таких вот страшных произвола, как сейчас на улице, страшных громких процессов, изнасилований, наркомании. Я не считаю, что они были завуалированы, их массово не было. Если это и были какие-то случаи, это было именно исключительный случай. И что в газетах, и реальная жизнь тогда 30 лет назад, они не очень расходились в действительности, я так считаю. Я бы хотела вернуться даже в этом возрасте в тот период, в котором я жила.

Интерв'юер: **Как менялась мода? Что Вы одевали? Где брали одежду?**

Мария Алексеевна: Мода. Мода менялась. Ну что я скажу? До 89-го, 88-го, 90-го года мы ещё жили при дефиците. Вернее жили, э-э-э, с нехваткой всего. Вещи доставали по блату, переплачивали, конечно. Менялась мода? Да, менялась мода. И туфли на шпильке, и туфли на толстом каблуке. Через 2 года мы могли...

Интерв'юер: **Что Вы носили?**

Мария Алексеевна: Я носила... Ну, я старалась одеваться не очень модно. У меня средства не позволяли такие большие. Но, тем не менее, я старалась одеваться не это. Я очень уделяла внимание одежде моих детей. Я старалась всё-всё им самое лучшее. У меня кума работала в промтоварном магазине, она доставала. Говорят: «У Марии дети одеваются в самое лучшее на Беленькое». Беленькое – посёлок, где мы жили. Хотя, я считаю, что не очень они импортно одевались. А когда смотрю по

фотографиям – да, мои дети, действительно, были одеты так.

Интерв'юер: *Какая была женская мода?*

Мария Алексеевна: Женская мода такая была. Были очень короткие юбки, очень. Выше колен такие были. И не смотря какие ноги, покупали кривые чёрные чулки. Это были такие ноги. Никто не смотрел тогда: ага, длинные-длинные. Не было. Мы лет 20 носили короткие юбки! И пальто, чтоб только чуть-чуть до коленки были. Были очень модные (вот сейчас так) сапоги – чулки. Их пар четыре сносила. У меня коричневые были: толстый каблук и чулок. Обтянутые, блестящие. Это сапог-чулок. Смотрю: вот сейчас со сцены танцуют в таких.

Интерв'юер: А колготки носили?

Мария Алексеевна: Нет. Колготки появились. Нет. Мы носили очень долго (лет 15) мы носили пояса. Это носили женщины уже моих, военного и послевоенного поколения. Пояс, значит, на четырёх держалках. Сзади две, которые очень неудобно застегать и подтянуть чулок, и впереди. И мы так лет 15 носили. А когда появились колготки, одевали сверху пояс (*смеётся*), пытались ещё и колготки пристёгивать, потому что нам казалось, что они как? Я одену колготки, они у меня сползут при первом выходе на порог. И мы ещё старались пристёгивать. Это было, конечно, смешно. Люди, которые носили колготки дольше нас на год – два:

– Ты что делаешь, Мария?

– Колготки пристёгиваю.

– Зачем?

– Ага, а вдруг воны у мэнэ спадуть.

Ну, а которые постарше, у меня есть сестра двоюродная, та всё время носила резинки сшитые две. Чулки и выше колен резинки эти одевались. Ну, как резинки? Вот, обыкновенные резинки выше колена. И тут же единственное – эти рейтузики, которые моя дочка именovala «трусики с ножками». «Я не буду одевать трусики с ножками».

Интерв'юер: *Вы выходили замуж повторно?*

Мария Алексеевна: (*вздыхает*) Ой, из жизни ничего не выбросишь. Мне было 32 года, когда я мужа потеряла. Э-э-э, 9 лет прожила одна. Сын заканчивал школу, закончил школу, поступил в Славянский пединститут на физмат. Я, мне встретился человек, который, э-э-э, ну, посчитал, что я его идеал. Я тоже с ним... как? Присмотрелась: как будто бы серьёзный мужчина. Когда я познакомилась с этим мужем, сын всё понял и сказал: «Мама, ты ещё не старая, ты можешь ещё». Мне было 42 года. «Ты ещё можешь свою жизнь, ну, построить». А дочке было в то время мало ещё: 10, наверное, или 12 лет. Ну, не нашла она общий язык с мужем, с товарищем этим, с Олегом. Часто скандалила, уходила к крёстной. Это была её заступница и прибежище её. И говорила, что это: «Мама, ты только наша и всё. Никаких разговоров». (*Вздыхнула*) Сын у меня часто болел. Бронхиальная астма была. Мне было как-то не до мужей, не до любовников. Дочка в детстве вообще была эгоистка. Также не было каких-то, э-э-э, многих поклонников. Ну, жизнь брала своё, всё шло своим чередом. (*Пауза*) Продали дом. Разделили дом со свекровью с большим скандалом. Дочь забрала свекровь в Доне..., в Запо..., ой, в Харьков. Я купила при помощи мужа, с которым сошлась, купила. Продав дом, часть денег я не смогла никуда потратить. Думала-думала: куда бы их вложить? Купила «Жигули» машину. Купила машину «Жигули». Она меня так выручила. На этой машине я в 53 года заработала на кооперативную квартиру, купила мебель. И когда я покупала уже, купила кооперативную квартиру с этим мужем, он не (*слово звучит неразборчиво*). Это была чисто коммерческая сделка. Я не жалею, что ушла с торговли. Мы торговали свиньями, мясом, вернее, свиным; торговали абрикосами. В Курск ездили. Это был 87 – 89 год. Мы заработали эти денежки. Купили квартиру, купили квартиру, эту всю мебель. Хотя мебель опять-таки... приобретение мебели стоило нам. Это уже тогда можно было. Мы ходили смотреть на мебель, но купить её мы не могли. Это уже были очереди. Нет.

Это были уже очередь. Это записывали инвалидов войны, и я записала инвалида войны тёти Шуриного деда Прохора Ивановича. Он мне взял «Фогер» – немецкую стенку, он мне взял вот эту спальню, он мне кухню хотел взять, но я не взяла. И вот так вот, спустя 13 лет, мы, конечно, с этим, э-э-э, человеком расстались, но это уже другая история. Я перенесла тяжёлую операцию. Тяжело, в общем, работала. Жёлчный был удалён у меня. Ну, я очень рада, что у меня есть дети. У меня родилась внучка, которая Мария тоже Гаврюшенко, и которой уже 10 лет в этом году исполнилось.

Интерв'юер: *Как Вы отнеслись к денежным реформам?*

Мария Алексеевна: *(вздыхает во время вопроса)* Перенесли мы сначала... *(Вопросительно)* В 90-м? В каком году Павлов... Я работала, по-моему, это был 90-й год или 91-й, не помню какой. Я работала заведующей магазином, где и сейчас работаю. Да. Работала я в этом магазине. У мужа заболела мать. Мы привезли с Урала мать его. Привезли мать с Урала сюда. Стала жить с нами свекровь. Она болела, э-э-э, у неё был рассеянный склероз. Женщина не контролировала свои действия, старенькая была. Хотя в молодости была учительницей биологии. Тяжело нам было с ней. Но всё нужно было, коль я его приняла, нужно было и её принимать. Дочка, конечно, не мирилась очень с ней. Но, в общем, это было хорошее время. Э-э-э, такое – стрессовое. Тут ещё стресс прибавил Павлов со своим обменом. Вечером никто ничего не зная, закрываем магазин. Утром открываем магазин. Всё. 50 и 100 рублей в ход не идут. При закрытых дверях. Это решилось всё ночью, обмен этих купюр. Это тоже стресс. Хотя у меня были деньги – 3000. И по тем временам все старались ложить 50 и 100 рублей. Это было и престижно. Я работала в магазине, я могла поменять. Я продала поросёнка, допустим, за 2 – 3 ты..., за 500 – 200 рублей. Поехала по 5 рублей килограмм купила, здесь по 5 рублей... Там я по 5 рублей живой вес купила килограмм, а здесь я 10 рублей продала этот. У меня были деньги, конечно.

Я купила мебель, купила кое-что ещё. И я вдруг... Открывается магазин, везде ревизии, и изымаются эти денежки сразу же. Пришли ревизоры изымать по 50 рублей, по 100 рублей. Но тут, конечно же, атас. Мы быстренько все свои сколько могли... но это только мы. Сколько там нас человек? 15, 12 человек в коллективе. Потом я была поражена: сколько у людей денег! *(Продолжает с восхищением)* Идут люди покупать бутылку ситро, которое стоило 37 копеек, 50 копеек, и дают 100 рублей денег мне. Дают 50 рублей. Но мы же были сразу в 6 часов утра при открытии уже...

Интерв'юер: *Вас с утра предупредили не принимать эти купюры?*

Мария Алексеевна: Ну, естественно. Мы как открыли магазин, сразу же звонок и циркулярно уже предупредили не принимать 50- и 100-рублевые купюры. И вдруг люди начали в кастрюлях, в бидонах молочных нести, сдавать эти деньги на почту. Их уже нигде не принимали. За них давали какой-то маленький номинал. И потом уже, через неделю, разрешили ещё. Какой-то коридор маленький был ещё поменять сколько-то. Но самое большое количество, количество, конечно, их было у цыганей. У нас было две улицы цыганских. Эти цыгане к тому времени уже торговали, ширку варили, занимались спекуляцией и нарко...нарко...

Интерв'юер: *Чем?*

Мария Алексеевна: Ну, ширка, ширка у нас называлась. И у них... Когда одна цыганка принесла мне из-под макарон... (макаронны вот эти, в бумажный мешок зашиты были макароны, коричневые, вот...) и она мне приносит. Я говорю: «Неля, что ты принесла?». «Деньги принесла». Я глазам своим не поверила. Я так посмотрела на этот бумажный мешок полный, набитый 50-рублёвыми и 100-рублёвыми. А я говорю: «А зачем ты мне принесла?» *(Продолжает с цыганским акцентом)* «Поменяй. Давай меняй. Тебе пополам, и мне пополам».

Интерв'юер: *(смеётся).*

Мария Алексеевна: Я говорю: «Нелечка, дорогая, я не могу тебе поменять. Меня с работы снимут». *(С цыганским акцентом)*

«Меняй как хочешь, или сейчас подожгу на твоих глазах». Она была в отчаянии, естественно. Эти деньги были... У неё было 11 детей. Но потом мы ей, конечно, пошли на уступки. И когда вот этот коридор открылся, я ей говорю: «Так, вот в такое-то время, такой будет обмен». «У меня не берут». У цыган действительно не брали. У них же ни паспортов, ничего не было. И каким-то образом Ольга ей помогла ещё. Но женщина была очень хорошая. Она была как русская женщина. И там они меняли, конечно, уже меньше. Я боялась этого дела, потому что были маленькие дети. Зачем? Не то, что маленькие, я как-то боялась за репутацию детей, за работу. Я была одна кормилица. Хотя у меня к тому времени и был муж. Мы с ним не расписаны. Я к своему счастью и не расписалась, и не прописала его к себе. И так, прожив 12 лет, э-э-э, он ушёл к женщине, которую любил ещё в 10-м классе, у которой умер муж. И дай ему Бог здоровья. И сейчас он там живёт. Она уехала в Запорожье, и наши пути разошлись. Ну, вот такая история (*вздыхает*) жизненная.

Интерв'юер: У Вас был телевизор?

Мария Алексеевна: Помню покупку первого телевизора. Ну, первый телевизор мы начали смотреть с мамой в 62-м году. Купили «Рекорд». Это был малюсенький «Рекорд». И на этот «Рекорд» ходили смотреть всё село, все улицы. Это был первый телевизор. У учителей одних, и у нас. Почему? Потому что у меня была мама была прогрессивной. Вот она не купила пальто, не купила то, не купила то, но телевизор она купила. И вот когда собиралась полная хата набита людей, курили, курили, сидели на этих полушубках, воняли этим всем потом (*усмехается*). Это было... А люди смотрели, смотрели... Им неинтересно было «Известия», им интересно было живого человека увидеть на экране. И вот смотрели, тогда фильм был (ну, что было?), спектакли. В основном шли спектакли, которые экранизировались. Мы смотрели «Иркутский столяр», смотрели этот, э-э-э, «Приваловские миллионы», тогда был фильм этот «Дубликат» смотрели. А больше всего нравилось, конечно, смотреть,

потом уже пришли этот фигурное катание позже, потом пришли «Голубые огоньки». Это было целое действо, подготовка. Потом была прекрасная передача Валентины Леонтьевой «От всей души». Плакала вся страна, плакал весь зал. Если кто-то помнит из Вас? Не помните. Это была «От всей души» передача, когда она по (*слово неразборчиво*) искала... Как сейчас вот «Ищу тебя». Кваша, вот она очень напоминает. Но это Кваша только в рамках телевидения, это маленького зала телевизионного, этого самого проекта. А это было: зал собирался как огромный зал был. Останкино тогда ещё не было. Какой-то... там, в этом зале собирались тысячи людей, и на глазах у этих тысячи людей она соединяла с ... разговаривала. «От всей души» была передача больше, чем всякий «Огонёк» и прочее, всё такое. Ну что ещё? Помню: вот когда умер Брежнев. Какой год – не помню, но 10 ноября – я помню точно. Он ещё 7 ноября рукой махал такой неживой, парад был. И вдруг он умер. Умер. И начались такие брожения. Кто? Что? Народ был не в восторге (*говорит неразборчиво*). Не было таких, как был Сталин. Но ждали чего-то такого. Все хотели молодого, молодого, молодого. Вдруг ставят Андропова. Начались ужасные...

Интерв'юер: Вы боялись о чём-то говорить?

Мария Алексеевна: Нет. Ничего мы не боялись во времена Брежнева. Не боялись анекдоты о нём рассказывать, стукачества не боялись, ничего не боялись.

Интерв'юер: А «Радио Свобода» слушали?

Мария Алексеевна: И «Радио Свобода» слушали. Ну как? Кто хотел, слушал, но это особо не рекламировалось, особо не преследовалось. Хотели слушать – слушали. Передавали друг другу. Но чтоб такого не было... диссидентов... за Сахарова, конечно, это после Брежнева было... Ну, такого открытого вот этого гонения не было, как пишут. Пусть оно было, но опять-таки было не рекламировано. Нас как-то оно миновало. И вдруг ставят Андропова. Андропов сразу же ввёл жёсткий закон вот этот... раз-

гильдияйство, попустительство и прогулов. До чего было время, что вот тут уже люди почувствовали сильную руку. Многие говорили: «Сталинская рука, сталинская рука». В чём она проявлялась? Сразу же было введено «контроль рабочего времени». Вот человек вышел в парикмахерскую, сразу заходят два человека в штатском: «Работаете где? Ваше время? А почему Вы сидите в парикмахерской?». Кинотеатры стали пусты, опустели кафе, опустели парикмахерские. И человек где-то раньше мог увильнуть на полчаса, на час, и сделать себе причёску, или сходить в кино... Всё. Облаву сделали в кинотеатре, проверяли раб... рабочее... где ты работаешь, этот удостоверение личности, где работа, сопровождали на работу. Эти люди были из КГБ. И вот начались, конечно, волнения. Все боялись. Очень строго продавалась водка. «Андроповка» называлась. Очень строго было со временем: с 11-ти до 7-ми и не больше, или до 6-ти. Если до 11-ти продавец продал водку, против неё возбуждалось... 2 – 3 бутылки... неоднократно против неё возбуждалось уголовное дело. Но что самое... это мой был... контроль, и с тех пор был так с перегибами. Вот это контроль рабочего времени для нашего Ивана русского, который привык... это был немецкий такой вот педантизм, и дисциплина была. И нельзя было его сделать: 1, 2, 3, 4, 5. И вот говорят... кто говорил, что его там кто-то что-то? Тут же начались вот эти расследования брежневских дел. Тут Галинины бриллианты всплыли (*далее непонятно о чём говорит*)... это Брежнева этого... этом же ж цыганом своим... как его там? Тут артистки... как же её? Забыла. (*Далее путается, говорит невнятно*). Галимовой? Или как артистка там? (*Говорит невнятно*) И начались... это уже ж обнародовано было, что Андропов видел самовар золотой из Эрмитажа, который стоял у Брежнева в опочивальне. И начал, что это достояние народа. Ну, и начались такие волнения, начались страхи уже. Но эти страхи всего лишь были 2 месяца. Пришёл этот мягкий Черненко, который умер быстренько. И

вдруг тебе – Горбачёв. Горбачёва тогда приняли очень хорошо. В его лице видели перестройку. Мы ещё не знали слово такое. Ну, мы думали, что так... в нашем понимании, вот моих шестидесятилетней данности... я так думала: перестроить дом, и всё будет хорошо. И так я думала, что будет перестройка. И многие, не только я. Я уверена, что моё поколение 80% так думало: ага, вот мы перестроим дом, перестроим общество. Всё сделаем, и всё будет хорошо. Жить будем, выметем всё старое и плохое. И вдруг эта перестройка породила эту (с отвращением) демократию, это разгильдяйство, это всё, антиалкогольную кампанию. Это ужас! Это было страх Господний! Это заводы, которые просуществовав годы, столетия, закрывались, перепрофилировались. Как можно отрасль, которая давала стране мини... мини... максимальную прибыль рубить под корень? Ведь водка и хлеб – самые большие киты, на которых... Ну, горюче-смазочные материалы – водка и хлеб, на которых держится вся экономика страны. И вдруг её нет. И вдруг подрубили. Издают указ об уничтожении и выкорчёвывании виноградники. Виноградник растёт 30 лет. На 10-м году он только даёт первый нормальный плод. И вдруг его под корень вырубил. Вырубил под корень. Перепрофилировали заводы, виноразливочные алкогольные убрали. Это был... я не могу без волнения ни о чём говорить... это было такой удар по экономике, такой удар. И тут тебе на тебе. И суррогаты, и покупка спиртов за границей. Ну что ж? Мы подняли экономику других стран. До чего дошли, что мы начали гнать самогон. Начали возбуждаться уголовные дела. Начался дефицит сахара, потому что закупали мешками для производства самогона. Кому от этого легче? Сейчас мы можем, конечно, сказать: да, это было плохо, это было недобдуманно, это было глупо. Но тогда (*говорит неразборчиво*), потому что считалось: ага, принял решение Политбюро – всё. Ну что? Приняли... Мне, например, нравилась Раиса (Царство ей небесное), мне нравилось прекрасно смотреть с трапа самолёта как они, как они представляли нашу страну.

Прекрасная, элегантная пара. Конечно, в контраст Брежневу, когда его волокли по трапу самолёта, контраст был очень-очень огромный. И потом вот начались там у них какие-то задиры, какие-то ссоры, какие-то раздел власти, этот 93-й год, этот путч, это всё... (*пауза*) мы пережили. Но мы были за 1400 километров оттуда. Мы всё с экранов телевизоров... Вот когда я сейчас смотрю как ведут из Белого дома... вот недавно буквально... у меня многоканальный... я Россию только смотрю по телевидению... и я смотрю, как это всё было, как брали (Парфёнова передача), как брали это всё, как танки ехали, как всё, что было, как брали Рудского. Рудской – герой был по тем временам. И вот сейчас у меня как в калейдоскопе вот это... этот Форос этот... едет туда Брежнев...ой, извините Ельцин, привозит оттуда Горбачёва. Тут тебе этот самый, тут этот путч: Янаев с этим Язовым. Я уже почему-то склонна мыслить, что всё это было спланировано. И этот переворот, и это всё, и этот путч, и эти танки по Москве. Страшно, конечно. Страшно возле Белого дома, страшно погром Останкино, всё это дело. Но, э-э-э, с высоты прошлых пяти – семи лет того времени, когда смотришь, всё это было запланировано, всё это было задумано и плохо разыгранный спектакль политический... я считаю: очень плохо. Хотя не нам судить – мы не политологи.

Интервьюер: *Вы помните в Вашей жизни голод?*

Мария Алексеевна: В своей жизни я помню голод, я помню голод 47-го года. Единственный голод. Мне было 5 лет. Я была очень маленькой. Я помню поле пшеничное, ездили объездчики. Стояли такие на углах большие вышки. И на этих вышках стоят смотрители – мужчина, который смотрит за полем, чтобы никто не зашёл. Я помню, мама говорит мне: «Пойди, вырви 5 – 6 колосочков, и мы намнём». Я иду, а через дорогу, буквально, наша улица, потом шлах, и потом начинается это поле. И мы бегали дети, прятались там, нам нетрудно было залезть туда и что-то взять. Вот я натру этих колосочков, принесу; а мама ступкой набьёт, набьёт, набьёт; добавит

бабушка лебеды, лебеды, лебеды и сварит такой, спечёт такую лепёшечку. И помню: женщину судили. У неё муж умер, он погиб в войну. И у неё трое детей. И она шла, гнала коров, и вырвала 5 или 7 (там я знаю сколько-то в мешочке), и её судили. Ей дали год за то, что она вот это в 47-м году украла вот эти колосочки. Трое деток осталось. Ей дали год. Ну что? Тогда за початок кукурузы сажали. Помню ещё: очень было сильный голод. Папа работал на железной дороге, очень тяжело путевым обходчиком работал. Это ночь и день обходишь, по рельсам идёшь с фонарём, и чтоб нигде не было диверсии, нигде путя не было, нигде не подмыло, не занесло снегом. Поэтому я помню: приходит он (47-й год – есть нечего), бабушка варит компот. Компот – цвет красивый, всё, но компот из буряка, со свеклы. Сахар такой несладкий. Помню конфеты: подушечки 6 штук дали. Вот я помню мои конфеты. Вот раньше давали конфеты. Хотя 43-й, 45-й, 46-й, 47-й... какие конфеты? И помню ещё куклу. Папа привёз с войны куклу. Немецкая головка такой фройлин (говорили на неё), и бабушка мне пришила к этой кукле красивой-красивой несуразное туловище такое. Руки, ноги. Мне было стыдно этого туловища с этими ногами. Я заворачивала её в тряпку и по улице бегала, и показывала всем эту красивую головку. И мне: «Маня, Маня, дай поддержать куколку». Я давала за огурец, за помидор, потом ещё за вишенку я давала поддержать эту куклу. Так что спекулятивные нотки у меня ещё тогда были в детстве проявлены. Когда папа работал путевым обходчиком, конечно, мы голодали. Пшеницу... делали лепёшечки из пшеницы, ели кукурузную такую мамалыгу, резали ложкой, ниткой. Папа часто-часто... мама была брезгливая, когда была беременная она сыном (47-й год), худющая такая. А папа наловит сусликов, они такие жирные были, такие... ну, землянные твари такие большие. Ага. И надерёт, шкуру обдерёт и жарит на сковородке, жарит, присолит и... они больше всего на вкус... Сейчас я ощущаю это мясо. Папа мне даёт самое мягенькое. А когда их жарит на сковородке

– они сжимаются, сжимаются. Я вот как сейчас помню: они такие, как голуби. Ну, вот такие чуть больше, длиннее, жирненькие. Папа ест, а мама в это время выходила на улицу и рвала, ей было очень плохо. Она

не любила, она не могла перенести этого дела. А мы с папой ели. Может, благодаря этим сусликам и выжили. Помню: папа... (Конец записи).

Мосюк Анна Іванівна: «Советский дефіцит: возьмем гастроном...»

АННА БУДОВСЬКА

Мосюк Анна Іванівна, 1948 р.н., м. Калуш Івано-Франківської обл., Україна; адміністратор ресторану, продавець, пенсіонерка. Тема: «Радянська стабільність».

Интерв'юер: *Бабушка, ты с 1970 года проработала в торговой сфере, и как никто другой можешь рассказать мне о периоде дефицита, как этот процесс отразился на работниках торговой сферы, и на населении в целом...*

Анна Ивановна: Да-а-а, могу. Возьмем гастроном. Вот я работала и в ресторане, и в гастрономе, и везде дефицит [1], везде. Но гастроном получал товар и сразу дефицитные продукты сразу в сторону откладывали, и в кабинет директора [несли]. До прилавка они вообще не доходили. Только если праздники были. Тогда, если было, то тогда давали в продажу, но такого почти не было. Столько народу стояло за ним, что там в продажу практически ничего не пускалось.

Возьмем такой товар как:

– кофе растворимый – его вообще никогда не было. Мы получали только в ресторане кофе растворимый, и то больше такой заварной получали, а потом уже начали получать растворимый. А в продаже, в магазине, такого даже не было;

– майонез в баночках. Его никогда не было в продаже;

– зеленый горошек, хотя его столько растет в Украине, его никогда не было в продаже;

– масло подсолнечное, то что у нас растет везде, рафинированное, его никогда не было в продаже.

Также еще, что такое остродефицитное:

– шампанское – его никогда не было в продаже. Шампанское можно было взять только в ресторане, а в ресторане шла накрутка – наценка большая, и было очень дорого. А в магазинах вообще никогда не было коньяков.

Точно так и в промтоварных магазинах. Электрические приборы – там никогда их не было, холодильников – никогда не было. Стиральная машина – дефицит. Стиральную машину мы покупали в 60-е, нет, в 70-ом году. Ой, то такие были счастливые. Ты что – купили стиральную машинку.

И холодильник... а холодильник вообще в 72-м году купили. Так тоже дефицит.

Телевизор – дефицит, первый – 67-м году, цветной в 67-м году.

А за ковры и разговора не было. Ковров вообще не было нигде. Если они и были, так как только получали, сразу очередь. Даже списки на них какие-то были. Если так вот подумать: откуда вы это все взяли (списки). Никто ничего не знал. Там вообще ничего не было. Потом пальто вот эти, которые шили для всего СССР одинаковые. Никаких уценок не было. Те пальто висели годами – никто их не уценял. Только лишь на ценниках конкретно было написано: дата выпуска продукции, цена. И вот можно было посмотреть, в каком году пошито, и сколько стоит, и никто его никогда не уце-